

9-й КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Константин Паустовский

МУЗЫКА ВЕРДИ

На броневой палубе крейсера приехавший из Москвы театр ставил под открытым небом «Травиату».

Седоусые лодочники толпились около дощатой пристани на старых шлюпках и хрипло и требовательно кричали:

- Кому до крейсера, кому на музыку? Будем стоять коло самого борта, покамест не кончится представление. Зыба нет - верьте совести! Какой же это зыб, товарищи!

Шлюпки бестолково толкались бортами и торопливо кивали и кланялись берегу, - их качала легкая волна. Так непрерывно машут головами дряхлые извозчицы лошади.

Над бухтами стоял безмолвный штиль, затянутый вечерним дымом. Сигнальные фонари мерно колебались в воде около береговых утесов. Осенняя ночь приближалась очень медленно. Она останавливалась на каждом шагу и никак не могла вытеснить из глубоких бухт последние отблески заката.

Но когда на крейсере вспыхнули огни, сразу упала шумная темнота. Она была наполнена звуками встревоженной воды - журчанием, бульканием и плеском.

Стала слышна морская суতোлка порта, торопливые удары весел, стук моторов, отдаленные крики рулевых, злорадный вой сирен и всплески волн, пересекавших залив по всем направлениям.

Все эти звуки стягивались от берегов и пристаней к крейсеру, где неожиданно пропел фагот в оркестре. Катеры неслись туда же, полоща в воде парадные кормовые флаги.

Татьяна Солнцева должна была играть Виолетту.

Она гримировалась в каюте команда, куда электрики-краснофлотцы провели стосвечные лампы.

Она приколола к корсажу красную камелию и напудрила похудевшее лицо. Играть ей было трудно. В Москве она оставила больного брата, почти мальчика. Он лежал в больнице и ждал тяжелой операции.

Солнцева тревожилась и потому ничего не замечала: ни города, шумного от сухой листвы и ветров, ни множества огней, носившихся с жужжанием по рейду, как золотые пчелы, ни изумительного воздуха, наполнявшего улицы запахом мокрых скал и горькой травы.

Операция была назначена на утро этого дня, но до сих пор из Москвы не было телеграммы.

Солнцева вышла на палубу, затянутую по сторонам брезентом. Грифы виолончелей были прислонены к серым орудийным башням.

Мелодия Верди вздрогнула в тишине стального корабля. Сотни молодых моряков слушали, затаив дыхание, печальный голос Виолетты. Струнный гром оркестра был слышен даже на окрестных берегах.

Шлюпки качались у борта. Люди смотрели из них вверх, задрав головы, на палубу крейсера. Лодочники старались не греметь веслами и, сталкиваясь, вместо обычной перебранки молча показывали друг другу кулаки.

Помощник режиссера стоял за броневой башней, как за кулисой, и волновался. В кармане у него лежала телеграмма на имя Солнцевой. Он не знал, что делать: распечатать ли ему самому, или передать после спектакля Солнцевой, не читая. Он шепотом советовался с администратором театра.

Администратор вырвал у него из рук телеграмму и вскрыл ее.

- Ничего особенного, - сказал он, пережевывая мундштук папиросы. - Операция откладывается из-за тяжелого состояния больного. В антракте можете сказать ей об этом.

Помощник режиссера поморщился и кивнул головой.

Кочегар Вася Чухов, носивший, как и все кочегары, прозвище «подземный дух», был приставлен к занавесу, сшитому из сигнальных флагов.

Вася - маленький, кряжистый и красный от старания - не спускал глаз с помощника режиссера. Этот вертлявый, нервный человек должен был просемафорить Васе рукой, когда закрывать занавес.

Вася слышал весь разговор около броневой башни. Широкая улыбка медленно сползла с его лица.

Во втором акте Солнцева вышла на сцену слишком торопливо. В антракте она прочла телеграмму. Голова у нее кружилась.

Когда Альфред опустился около ее ног на колени, она наклонилась и поцеловала его в юношеский висок. Тонкая голубая вена проступала на виске, совсем как у брата.

Солнцева глотнула воздух и заплакала. Слезы катились из ее глаз, но она продолжала петь. Голос ее дрожал. Она видела мутные, влажные пятна и не могла понять, огни ли это ramпы, или звезды в воде, или бледные лица моряков.

Тогда Вася Чухов дал занавес, несмотря на сердитые окрики из-за броневой башни. Чухов вышел из повиновения. Лицо его окаменело. На возмущенный шепот помощника режиссера он ответил зловеще и коротко:

- Будете разговаривать с командиром корабля. Я ему доложу обо всем.

Палуба гремела от аплодисментов. Простодушные зрители считали перерыв спектакля вполне законным после такой напряженной и мучительной сцены, как слезы Виолетты. Никто из них не знал, что сцена прервана «подземным духом» в самом начале.

Чухов подошел к командиру корабля, сидевшему в первом ряду, и тихо доложил о случившемся.

Командир встал. Это был молчаливый седой человек. Он видел в своей жизни много смертей в революционных боях, много штормов, гибель многих товарищей. Он знал беспощадность борьбы и неумолимость боевых приказов. Он был одинок. Все, что существовало до революции, терялось в хмуром тумане, - и донецкий шахтерский поселок, и сельская грязная школа, и люди тех времен, оставившие впечатление усталой и растерянной толпы. Революция перечеркнула прошлое твердой рукой и внесла в сознание простоту и ясность. Ей он был предан как боец, как бывший шахтер и как человек точного и светлого ума.

Командир встал и прошел на сцену. Палуба все еще гремела от топота матросских каблучков и рукоплесканий.

За сценой командира встретил бледный от возмущения администратор.

- Не беспокойтесь, - сказал он торопливо. - Сейчас все наладим. Пустяки! Обычные женские нервы. Она будет петь.

- Она не будет петь, - спокойно сказал командир и посмотрел в глаза администратору. - Прекратите спектакль!

Администратор пожал плечами и криво усмехнулся:

- Невозможно. Наш театр работает по-ударному. Мы не можем из-за настроения актеров срывать спектакли. И, наконец, о чем говорить? Она успокоилась и вполне может петь.

Командир обернулся к Солнцевой. Она, не глядя ему в лицо, кивнула головой.

- Вы видите, она согласна, - сказал администратор и швырнул на палубу окурки.

Эта история начинала его раздражать. Становилось и неловко, и стыдно.

Командир мельком взглянул на окурки, и Вася Чухов тотчас же незаметно смахнул его за борт.

- Вы находитесь на палубе корабля нашего Красного Флота, - сказал командир. Его щека со шрамом от пули чуть заметно дергалась. - Вы меня извините, но здесь я осуществляю власть и поэтому позволю себе вмешаться в ваши распоряжения. Об ударной

работе вы, очевидно, имеете совершенно превратное представление. Согласие артистки значения не имеет. Я отменяю спектакль. Все. Разговоры прекращаются.

Командир поднял руку, и Вася Чухов раздвинул занавес. Зрители стихли.

- Краснофлотцы, - сказал командир спокойно, - у артистки Солнцевой произошло несчастье в семье. Ей трудно играть...

По толпе моряков прошел сдержанный гул. Все встали. Командир не успел сказать, что спектакль отменяется до лучших времен. Это было понятно для каждого краснофлотца и без объяснений командира.

- Подать к трапу катер! - негромко приказал командир.

- Есть подать к трапу катер! Есть подать катер! - начала перекликаться команда, пока не затихла на нижних палубах корабля.

Через несколько минут командир сошел с Солнцевой в катер. Краснофлотцы помогали Солнцевой, когда она спускалась по трапу. Высокий коренастый старшина осторожно положил на сиденье рядом с Солнцевой букет цветов, покраснел и крикнул негромко:

- Вперед до полного!

Катер выбил из-под кормы водопады огней и пены и помчался к пристани. В катере командир сказал:

- Я снесся с командующим флотом. В скором поезде на Москву вам оставлено место. Мы успеем. У нас есть еще сорок минут.

Солнцева наклонила голову и перебирала цветы рукой, — она не могла говорить.

- В газетах пишут, товарищ командир, - сказал высокий старшина тихо, но так, чтобы слышала Солнцева, - что один московский профессор делает операции сердца, как орехи щелкает. Вот бы к нему...

- Помолчите, Кузьменко, - сказал командир.

Через час скорый поезд, ревя и разбрасывая облака пара, вырвался из последнего тоннеля. Огни города и рейда умчались за выступы отвесных скал.

Солнцева сидела в купе не раздеваясь, не снимая пальто и платка. Она смутно вспомнила огни вокзала, снег на крышах товарных вагонов, Москву, затопленную полярной ночью, расштанное такси и матовый свет в коридорах больницы.

Так же смутно она помнила лицо брата, улыбнувшегося ей с больничной койки.

- Все сошло удачно, - сказал Солнцевой профессор с сердитой острой бородкой. - Все сошло на редкость удачно.

Солнцева осторожно поцеловала брата во влажный юношеский висок. На нем чуть заметно проступала тонкая голубая вена.

А через несколько часов опять была ночь, вокзал, рябой носильщик, с трудом доставший билет, гром железных мостов, снега, угрюмый закат в степях за Харьковом и, наконец, синий дым глубоких бухт, высокое солнце и мягкий воздух приморской осени.

Солнцева бросилась к окну, - да, крейсер синел на рейде, он никуда не ушел! Солнцева начала торопливо рвать оконный ремень. Она хотела высунуться и протянуть к крейсеру руки, махать ему до беспамятства белым платком. Но окно не открывалось, и Солнцева вспомнила, что уже зима, что солнце светит здесь, на краю южных прекрасных широт, как последняя память о лете.

«Лишь бы наши не уехали, лишь бы их застать!» - думала Солнцева.

Своих она еще застала в приморском городе.

Через день на крейсере был снова поставлен прерванный спектакль. Когда «подземный дух» раздвинул занавес и на сцену вышла Солнцева, моряки встали, и грохот неслыханных на рейде аплодисментов потряс окрестные берега. Простые полевые цветы падали к ногам Солнцевой и перемешивались со старинными шелками и синим бархатом венецианских нарядов. Командир стоял в первом ряду и дружески улыбался.

Солнцева наклонила голову. Она почувствовала в глазах прежнюю тяжесть слез, но это были слезы благодарности и дружбы.

Она подавила их, подняла голову и рассмеялась. И тотчас же вздохнул оркестр, и щемящая мелодия Верди заглушила плеск волн.

Солнцева отколола камелию от корсажа и бросила ее на палубу. Вместо камелии она приколола сухой и пыльный лиловый цветок. Это был цветок городских окраин, брошенный ей Васей Чуховым.

Она пела блистательно. Голос ее звенел и томился над бухтами. Старые рыбаки сидели на берегах у воды, слушали и удивлялись силе человеческой молодости.

Командир слушал и думал, что ничто не дает такого расцвета таланту, как дружба и простое товарищеское внимание.

Казалось, Виолетта пела в своей родной Венеции. Дым звезд роился над береговыми утесами. Блеск огней достигал до самого дна бухты, так прозрачна была морская вода. Воздух дрожал от невидимых жарких течений. Горизонт над морем, несмотря на ночь, был светел на десятки миль, как будто наступали сумерки.

После спектакля краснофлотцы окружили Солнцеву, но внезапно быстро и почтительно расступились. К Солнцевой шел высокий моряк с широкими золотыми шевронами на рукавах - командующий флотом.

- Я хочу вас поблагодарить от имени всего флота, - сказал он. - Вы доставили нам высокую радость. Ну, как брат, поправляется?

Солнцева хотела ответить, что не она, а вот эти молодые, загорелые моряки - то смешливые, то серьезные, но всегда спокойные и доброжелательные - заставили ее испытать настоящее счастье. Она подумала, что таким слушателям могли бы позавидовать и Моцарт, и Бетховен, но ничего не ответила, - она только крепко, до боли, пожала руку командующему.

Свежий ветер дул с моря, где в темноте и гуле бурунов сверкали далекие маяки.

1935

Ярослав Смеляков

ПАМЯТНИК

Приснилось мне, что я чугуном стал.
Мне двигаться мешает пьедестал.

Как поздний свет из темного окна,
я на тебя гляжу из чугуна.

В сознании, как в ящике, подряд
чугунные метафоры лежат.

Недаром ведь торжественный металл
мое лицо и руки повторял.

И я слежу за чередой дней
из-под чугунных сдвинутых бровей.

Недаром скульптор в статую вложил
все, что я значил и зачем я жил.

Вокруг меня деревья все пусты,
на них еще не выросли листья.

И я сойду с блестящей высоты
на землю ту, где обитаешь ты.

У ног моих на корточках с утра
самозабвенно лазит детвора,

Приблизусь прямо к счастью своему,
рукой чугунной тихо обниму.

а вечером, придя под монумент,
толкует о бессмертии студент.

На выпуклые грозные глаза
вдруг набежит чугунная слеза.

Когда взойдет над городом звезда,
однажды ночью ты придешь сюда.

И ты услышишь в парке под Москвой
чугунный голос, нежный голос мой.

Все тот же лоб, все тот же синий взгляд,
все тот же рот, что много лет назад.

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Герои чеховского рассказа «Учитель словесности» в один из вечеров оживленно обсуждают творчество А.С. Пушкина.

Прочитайте этот фрагмент рассказа:

Теперь за чаем спор начался с того, что Никитин заговорил о гимназических экзаменах.

- Позвольте, Сергей Васильич, - перебила его Варя. - Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? Например, вы задали ученикам VIII класса сочинение на тему: «Пушкин как психолог». Во-первых, нельзя задавать таких трудных тем, а во-вторых, какой же Пушкин психолог? Ну, Щедрин или, положим, Достоевский - другое дело, а Пушкин великий поэт и больше ничего.

- Щедрин сам по себе, а Пушкин сам по себе, - угрюмо ответил Никитин. - Я знаю, у вас в гимназии не признают Щедрина, но не в этом дело. Вы скажите мне, какой же Пушкин психолог?

- А то разве не психолог? Извольте, вам примеры. И Никитин продекламировал несколько мест из «Онегина», потом из «Бориса Годунова».

- Никакой не вижу тут психологии, - вздохнула Варя. - Психологом называется тот, кто описывает изгибы человеческой души, а это прекрасные стихи и больше ничего.

- Я знаю, какой вам нужно психологии! - обиделся Никитин. - Вам нужно, чтобы кто-нибудь пилил мне тупой пилою палец и чтобы я орал во всё горло, - это, по-вашему, психология.

- Плоско! Однако вы все-таки не доказали мне: почему же Пушкин психолог?

Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутиной, узостью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать из угла в угол. И теперь то же самое: он вскочил, схватил себя за голову и со стоном прошелся вокруг стола, потом сел поодаль.

За него вступились офицеры. Штабс-капитан Полянский стал уверять Варю, что Пушкин в самом деле психолог, и в доказательство привел два стиха из Лермонтова; поручик Гернет сказал, что если бы Пушкин не был психологом, то ему не поставили бы в Москве памятника.

Какова была бы ваша позиция в развернувшейся дискуссии? С кем из ее участников вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Приведите необходимые аргументы.

Заинтересовала ли вас тема сочинения, которую Никитин дал ученикам? (кратко объясните свою позицию). Сформулируйте ту тему, на которую вам было бы по-настоящему интересно писать о Пушкине.

Оформите Ваши размышления в виде связного текста.